

MENSUEL
300 fr.

CAHIERS PERIODIQUES
(96e cahier, Décembre 1959)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

*Литературно-политическія
тетради*

ТЕТРАДЬ ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ
Декабрь 1959 года

А. П. ЧЕХОВ. — К СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.

Фотографія. 1890.

PARIS
73, av. des Champs-Élysées. (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

Юмор Антоши Чехонте

Незадолго до смерти Чехова, Лев Толстой сказал о нем: «смотришь — человек, будто бы без всякого разбора, мажет красками, какія попадутся ему под руку, но никакого, как будто, отношенія эти мазки между собою не имѣют, но отойдешь, посмотришь — и, в общем, получается удивительное впечатлѣніе; перед вами яркая, неотразимая картина».

И вот теперь, больше, чѣм через полвѣка перечитываешь его и убѣждаешься, — насколько вѣрно это замѣчаніе; впечатлѣніе от книг Чехова поистинѣ удивительное.

«Он вышел из таганрогской мелочной лавки, гдѣ мальчиком помогал отцу продавать селедки и сальные свѣчи, — писал о Чеховѣ в своей книгѣ И. И. Тхоржевскій. Довольно долго пробирался по Россіи задворками: вначалѣ смѣялся тому, что видѣл; потом стал хмуриться; но все шел вперед, — и, незамѣтно для себя, поднялся в горы, к вершинам міровой славы».

Как же «вначалѣ смѣялся» еще не Антон Павлович Чехов, а молодой, мало кому извѣстный Антоша Чехонте, этим псевдонимом подписывавшій свои очаровательныя бездѣлушки? Исслѣдователи творчества Чехова, его біографы и критики склонны утверждать, что первые «смѣшные» рассказы его вышли, по прямой линіи из го-голевской «Коляски», из почвенных Горбуновских и Лейкинских рассказов, кое-что из Лѣскова и из бытового русскаго анекдота. Однако мелкіе, бѣглые юмористическіе рассказы его, написанные на скорую руку, для заработка, во второкачественных журналах, всегда были подлинно веселыми, без тѣни пошлости, неизмѣнно привлекавшими вниманіе. Но, конечно, эти юмор и шутка были заложены в нем, в его душѣ, от рожденія. Позже, в зрѣлые годы они подернулись дымкою грусти, но в дѣтствѣ, в юности они переливались всеми цвѣтами. Антоша Чехонте смѣялся от всей души и смѣшил других.

Мальчишкой, лѣтъ 8 или 9 Антон, вмѣстѣ с братьями, пріѣзжал на лѣто гостить к своему дѣду, строгому и педантичному старику, в имѣніе графини Платовой, гдѣ он был управляющим. Дѣд, Егор Чех, был к тому же и чудаковат: так, до извѣстнаго времени, нельзя было ни под каким видом пользоваться яблоками в графском саду. Молодые внуки Чеховы, несмотря на всю изобрѣтательность, не могли обмануть бдительность дѣда и его сторожей, и не могли лакомиться яблоками.

Но однажды Антон предложил пари брату Ивану: он сорвет в саду самое лучшее яблоко, и не ночью, не тайком, а днем, и в присутствіи дѣдушки.

Пари было принято. В назначенный час Антон вызвал в сад дѣда и, поставивши брата Ивана лицом к намѣченному «лучшему» яблоку, заявил дѣду, что перепрыгнет через брата. Дѣд засосал трубку, пустил клуб дыма и позволил: «А — ну!»

ний» и «Будильников», — замѣчаетъ биографъ Чехова — А. Измайлов, — молодой Чехов разбрасывался и дѣлалъ изъ своего пера разнообразѣйшія примѣненія. Достаточно сказать, что в матеріалах, с великим трудом собранныхъ извѣстнымъ библиографомъ П. Н. Быковым, благодаря которому мы и имѣли возможность обстоятельно прослѣдить первые шаги Антоши Чехонте, — оказались и подписи Чехова к рисункамъ разныхъ журналов, очевидно сдѣланныя по просьбѣ редактора, и злободневные памфлеты с частымъ упоминаніемъ «героевъ» того времени, даже театральныя рецензіи о Сартъ Бернар, посѣтившей Москву, и т. д.».

Едва ли А. Измайловъ абсолютно правъ. Необыкновенное без-

Обложки изданій, в которыхъ сотрудничалъ Антоша Чехонте.

ошибочное чувство юмора и вмѣстѣ с тѣмъ и мѣры — уже тогда отличало начинающаго писателя и журналиста Антошу Чехонте, от пошлыхъ остряковъ и присяжныхъ фельетонистовъ тѣхъ восьмидесятыхъ годов.

В десятомъ номерѣ «Стрекозы» (за 1880 годъ) помѣщена «первая работа» Чехова, за подписью «... в»: «Письмо донскаго помѣщика Степана Владиміровича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху», и этимъ маленькимъ рассказикомъ-шуткой открывается долгое, семилѣтнее сотрудничество его в юмористическихъ журналахъ: в «Стрекозѣ»,

«Будильникъ» (с 1880 по 1887 год), «Зритель» (1881—1883 г.), «Мірском толкѣ», «Москвѣ», «Осколках» (1882—1887 г.), «Свѣтъ и тѣнь», «Спутникъ», «Развлеченіи», «Сверчокъ» и многих других.

Всѣ эти мелкія вещи — «крупницы юмора и брызги смѣха», как называли их тогда, подписаны не только псевдонимом «Антоша Чехонте», но иногда и просто «Чехонте», или «Антоша», «Ан—Чте», «Анче», «Человек без селезенки», «Врач без паціентов», «Вспыльчивый Человѣкъ», «Антонсон», «Балдастов» и «Брат моего брата»...

«Богатую дань отдал молодой Чехов безпретенціозному анекдоту, — пишет А. Измайлов. — Большею частью одухотворенные мыслью или шуткой, эти анекдоты сжато дают сюжет, котораго разговорчивому беллетристу, пожалуй, хватило бы на цѣлый рассказ».

И в этом Измайлов прав. Вот нѣкоторые из них:

НАДУЛ

(Очень древній анекдот)

Во время оно в Англіи преступники, присужденные к смертной казни, пользовались правом при жизни продавать свои трупы анатомам и физиологам. Вырученные таким образом деньги они отдавали своим семьям или же пропивали. Один из них, уличенный в ужасном преступленіи, позвал к себѣ ученаго медика и, вдоволь поторговавшись с ним, продал ему собственную особу за двѣ гинеи. Но, получивши деньги, он вдруг принялся хохотать...

— Чего вы смѣетесь?! — удивился медик.

— Вы купили меня, как человѣка, который должен быть повѣшен, — сказал, хохоча, преступник: — но я надул вас! Я буду сожжен! Ха-ха!

(«Осколки», 1885, № 25)

Одному офицеру под Севастополем лохнувшей гранатой оторвало ногу. Он не пал духом и стал носить искусственную конечность. В минувшую русско-турецкую кампанію во время взятія Плевны ему оторвало другую ногу. Бросившіеся к нему на помощь солдаты и офицеры были крайне озадачены его спокойным видом...

— Вот дураки-то — смѣялся он. — Только заряд потеряли даром... Того не знают, что у меня в обозѣ есть еще пара хороших ног»

Один помѣщик, зазвав к себѣ своего старата друга, велѣл подать полубутылку старата цымлянскаго.

— Ну, как ты находишь вино? — спросил он друга, когда вино было выпито. — Каков букет, какова крѣпость! Сейчас видно, что ему пятьдесят лѣтъ...

— Да, — согласился пріятель, косясь на полубутылку: — только оно слишком мало для своих лѣтъ...

Приобрѣтая находчивость:

Петербургскій репортер Н. З. обозрѣвая прошлагодишнюю мануфактурную выставку, остановил между прочим, свое вниманіе на одной паниншонѣ и начал что-то записывать.

«Антон разбѣжался, и, перепрыгнувъ через брата, одновременно сорвал и намѣченное яблоко... Дѣд был в восторгѣ от ловкости внука и хохотал на весь сад. Хохотал и проказник Антоша.

Таковы истоки его смѣха. Или вот еще, из времен гимназических, о чем рассказывали его товарищы и родные:

«Товарищы его дѣтства и родственники до сих пор не могут вспоминать без смѣха о всевозможных комических сценах, устраиваемых им во дни юности, — у него было от природы выдающееся актерское дарованіе. Путем незамѣтнаго грима он мог до такой степени измѣнить свое лицо и весь преобразиться, что даже близкіе ему люди не узнавали его и по цѣлым часам бесѣдовали с Антоном Павловичем, как с новым лицом. Раз он нарядился нищим и, написав просительное письмо, через весь город, в костюмѣ, отправился к дядѣ и подал ему это письмо. Дядя не узнал его и подал ему три копейки», — записал біограф Чехова А. А. Измайлов, со слов его друга дѣтства Сергѣенко.

А. П. Чехов — гимназист.

«Постоянная веселость и неистощимая способность в изобрѣтеніи уморительных шуток, — были отличительными чертами Чехова в его дѣтствѣ и юности, — рассказывали его братья. Он изъ всего ухитрился дѣлать своеобразную и смѣшную забаву. Былъ один уморительный номер в «артистическом» репертуарѣ Чехова. В нѣсколько минут он измѣнялъ свой вид и превращался в зубного врача, сосредоточенно раскладывавшаго на столѣ свои зубоврачебные инструменты. В это время в передней раздавался слезливый стон, и в комнату появлялся старшій брат Александр с подвязанной щекой. Он немилосердно вошел от якобы нестерпимой зубной боли. Антон с пресерьезным видом успокаивал пациента, брал в руки щипцы для утлей, совал в рот Александру и... начиналась «хирургія», от которой присутствующіе покатывались от смѣха. Но вот въице всего: наука торжествует! Антон вытаскивает щипцами изъ рта ревущаго брата мотом «пациента» огромный «больной зуб» — пробку — и показывает его публикѣ».

Біографы А. П. Чехова склонны считать, что дѣтство его было нелегким, и даже скорѣе мрачным, однако, как видно из приведенных примѣров, его врожденная веселость, его юмор, перевѣшивали, преобладали и Антошу видѣли чаще улыбающимся, чѣм грустным.

С такой улыбкой, со своим, лишь ему свойственным юмором, с насмѣшкой над убогой жизнью вступил Чехов на литературный путь под псевдонимом «Антонъ Чехонте».

«У ранняго Чехова, — справедливо писал о нем в своей книгѣ

И. Тхоржевскій, — больше всего страниц, никуда не мѣтящих, просто веселых. Ими художник тѣшил себя и других, радуясь, увлекаясь, дурачась, «транжира себя на мелочи», как он потом говорил и проникаясь общим взглядом на свою «литературную мелкость». Разлекать людей в скучные будни. Таковы, кромѣ рассказов, раннія бытовые пьески Чехова: «Свадьба», «Медвѣдь», «Предложеніе», «Юбилей»...

В письмѣ своем Д. Батюшкову, в 1904 году, А. П. Чехов дает точное указаніе, когда началась его «литературная дѣятельность». Он пишет:

«...Увѣряю вас, юбилей мой (если говорить о 25) еще не наступил и будет не скоро. Я пріѣхал в Москву, чтобы поступить в университет, во второй половинѣ 1879 года, первая бездѣлушка в 10—15 строк была напечатана в мартѣ или апрѣлѣ 1880 года в «Стрекозѣ»; если быть очень снисходительным и считать началом именно эту бездѣлушку, то и тогда мой юбилей пришлось бы праздновать не раньше, как в 1905 году».

Однако уже в дѣтскіе годы Чехов вмѣстѣ со своим гимназическим товарищем Натаном Богоразом издает журнал под названіем «Звѣздочка» (или «Заика», — точно не установлено), в котором оба с увлеченіем пишут «смѣшныя вещи». А в седьмом классѣ гимназіи, по свидѣтельству брата Михаила, Антон написал даже цѣлую драму, под названіем: «Безотцовщина» и смѣшной водевиль — «Не даром курица пѣла». К сожалѣнію, обѣ эти вещи до нас не дошли.

В тѣ дни, когда Чехов начинал писать в журналах, русскій юмор, как свидѣлствуют современники, «был в совершенном загоиѣ». Цензура зорко слѣдила — относительная свобода была только в области шутки чисто литературной, шутить можно было над тещами и дачными мужьями, старыми дѣвами и купцами, обѣѣвшимися блинами.

И чтобы «оправдать» первые литературныя опыты Чехова, нужно помнить, и постоянно имѣть в виду, какія времена переживали тогда не только юмористическій журнал, но и вообще печатное слово. Но все же «чеховскій» юмор, подход его к жизни, с весельем, улыбкой, всегда «изстраивал» читателя, на «веселый» лад и дѣйствительно его увеселял.

Огромное наслѣдство «начинающаго» Чехова, подписанное им псевдонимом «Антоша Чехонте», начали собирать лишь два года спустя послѣ его смерти. И. Ф. Масанов в 1906 году внимательно пересмотрѣлъ всѣ юмористическіе журналы «чеховской молодости» (литературной), и постарался подвести итог всѣм первым мелочам, вышедшим из-под пера А. Чехова. Это было поистинѣ — большое открытіе. Журналы и газеты того времени вновь перепечатали добрую половину этих забытых матеріалов.

«Плохую услугу оказал бы Чехову тот, кто перепечатал бы всѣ его маленькія шутки из «Стрекоз» и «Осколков», «Развлече-

— Это не вы обронили четвертную? — обратился к нему хозяин павильона, подавая ему бумажку.

— Я уронил двѣ четвертныя! — нашелся репортер.

Экспонент изумился такой находчивости и подал ему другую четвертную.

«Это, не анекдот, а быль», — ставит под этим курьезом послѣднюю строкою сам Чехов.

Одна из пьес московскаго драматурга М-да потерпѣла фiasco на первом же представленіи. Прогуливаясь по театральному фойе и сумрачно поглядывая по сторонам, автор спросил встрѣтившагося ему пріятеля:

— Что вы думаете о моей пьесѣ?

— Я думаю, — отвѣчал пріятель: — что вы гораздо лучше чувствовали бы теперь себя, если бы эта пьеса была написана не вами, а мною.

Литературный мірок и его интересы вообще вызывали, может-быть чуть-чуть повышенное вниманіе Чехова, так как, при всем умѣніи хватать впечатлѣнія жизни отовсюду, А. П—чу приходилось все-таки наиболѣе вращаться в этой средѣ. Вот страничка, не блещущая исключительным остроуміем, но очень характерная для молодого Чехова — это «Правила для начинающих авторов» — «юбилейный подарок, вмѣсто почтоваго ящика».

Страничка эта знаменательна в том отношеніи, что Чехов здѣсь преподносит самыя горькія истины о тяжести писательской судьбы, каковыя, при всей своей молодости, он уже сам основательно сознал, странствуя по нѣскольку раз за трехрублевкой к Липскерову или в «Будильник»:

«Всякаго только-что родившагося младенца слѣдует старательно омыть, и, давши ему отдохнуть от первых впечатлѣній, сильно высѣчь со словами: «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» Если же, несмотря на такую экзекуцію, оный младенец станет проявлять писательскія наклонности, то слѣдует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите «пропало». Писательскій зуд неизлѣчим.

Путь пишущаго от начала до конца усыпан терніем, гвоздями и крапивой, а потому здравомыслящій человѣкъ всячески должен отстранять себя от писательства. Если же неумолимый рок, несмотря на всѣ предостереженія, толкнет кого-нибудь на путь авторства, то для смягченія своей участи такой несчастный должен руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Слѣдует помнить, что случайное авторство и авторство а-рторовъ лучше постояннаго писательства. Кондуктору, пишущему стихи, живется лучше, чѣм стихотворцу, не служащему в кондукторах.

2) Слѣдует также зарубить себѣ на носу, что неудача на лите-

• ратурном поприщѣ в тысячу раз лучше удачи. Первая наказуется только разочарованіем да обидною откровенностью почтоваго ящика, вторая же влечет за собою томительное хожденіе за гонораром, полученіе гонорара купонами 1899 года, «послѣдствія» и новыя попытки.

3) Писанье, как «искусство для искусства», выгодноѣ, чѣм творчество за презрѣнный металл. Пишущіе домов не покупают, в купе перваго класса не ѣздят, в рулетку не играют и стерляжьей ухи не ѣдят. Пища их — мед и акриды приготовленія Саврасенкова, жилище — меблированныя комнаты, способ передвиженія — пѣшее хожденіе.

4) Слава есть яркая заплата на ветхом рубищѣ пѣвца, литературная же извѣстность мыслима только в тѣх странах, гдѣ за уразумѣніем слова «литератор» не лѣзут в «Словарь 30.000 иностранных слов».

5) Пытаться писать могут всѣ без различія званій, вѣроисповѣданій, возрастов, полов, образовательных цензов и семейных положеній. Не запрещается писать даже безумным, любителям сценическаго искусства и лишенным всѣх прав. Желательно, впрочем, чтобы карабкающіеся на Парнас были по возможности люди зрѣлые, знающіе, что слова «ѣхать» и «хлѣб» пишутся через «ять».

6) Желательно, чтобы они по возможности были не юнкера и не гимназисты.

7) Предполагается, что пишущій, кромѣ обыкновенных умственных способностей, должен имѣть за собою опыт. Самый высшій гонорар получают люди, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, самый же низшій — натуры нетронутыя и неиспорченныя. К первым относятся женившіеся в третій раз, неудавшіеся самоубійцы, проигравшіеся в пух и прах, дравшіеся на дуэли, бѣжавшіе от долгов и проч. Ко вторым: неимѣющіе долгов, женихи, непьющіе, институтки и проч.

8) Стать писателем очень нетрудно. Нѣтъ того урода, который не нашел бы себѣ пары, и нѣтъ той чепухи, которая не нашла бы себѣ подходящаго читателя. А посему не робѣй... Клади перед собой бумагу, бери в руки перо и, раздражив плѣнную мысль, строчи. Строчи о чем хочешь: о черносливѣ, погодѣ, говорковом квасѣ, Великом океанѣ, часовой стрѣлкѣ, пришлодном снѣгѣ... Настрочивши, бери в руки рукопись и, чувствуя в жилах священный трепет, иди в редакцію. Снявши в передней калоши и справившись: «тут ли г. редактор?», входи в снятилище и, полный надежд, отдавай свое твореніе. Послѣ этого недѣлю лежи дома на диванѣ, плюй в потолокъ и услаждай себя мечтами, через недѣлю же иди в редакцію и получай свою рукопись обратно. За сим слѣдует обиваніе пороговъ в других редакціях... Когда всѣ редакціи обойдены и нигдѣ рукопись не принята, печатай свое произведеніе отдѣльным изданіем. Читатели найдутся.

9) Стать же писателем, котораго печатают и читают, очень трудно. Для этого будь безусловно грамотен и имѣй талант, величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствіем больших талантов дороги и маленькіе.

10) Будь порядочен. Не выдавай краденаго за свое, не печатай одного и того же в двух изданіях за раз, не выдавай себя за Курочкина и Курочкина за себя, иностранное не называй оригинальным и т. д. Вообще помни десять заповѣдей.

11) В печатном мірѣ существуют приличія. Здѣсь так же, как и в жизни, не рекомендуется наступать на любимыя мозоли, сморкаться в чужой платок, запускать пятерню в чужую тарелку и т. д.

12) Если хочешь писать, то поступай так. Избери сначала тему. Тут дана тебѣ полная свобода. Можешь употребить произвол и даже самоуправство. Но, дабы не открыть во второй раз Америки и не изобрѣсти вторичнаго пороха, избѣгай тем, которыя данным-давно уже заѣзжены.

13) Избрав тему, бери в руки незаржавленное перо и разборчивым, некаракулистым почерком пиши желаемое на одной сторонѣ листа, оставляя нетронутой другую. Последнее желательно не столько ради увеличенія доходов бумажных фабрикантов, сколько в виду иных, высших соображеній.

14) Давая волю фантазіи, пріудержи руку. Не давай ей гнаться за количеством строк. Чѣм короче и рѣже ты пишешь, тѣм больше и чаще тебя печатают. Краткость вообще не портит дѣла. Растянутая резинка стирает карандаш нисколько не лучше нерастянутой.

15) Написавши, подписывайся. Если не годишься за извѣстностью и боишься, чтобы тебя не побили, употреби псевдоним. Но помнѣй, что, какое бы забрало ни скрывало тебя от публики, твоя фамилія и твой адрес должны быть извѣстны редакціи. Это необходимо на случай, ежели редактор захочет тебя с Новым годом поздравить.

16) Гонорар получай тотчас же по напечатаніи. Авансов избѣгай. Аванс — это заѣданіе будущаго.

17) Получивши гонорар, дѣлай с ним, что хочешь: купи себѣ пароход, осуши болото, снимись в фотографіи, закажи Финляндскому колокол, увеличь женин турнюр в три раза... одним словом, что хочешь. Редакція, давая гонорар, дает и полную свободу дѣйствій. Впрочем, ежели сотрудник пожелает доставить редакціи счет, из котораго будет видно, как и куда истратил он свой гонорар, то редакція ничего не будет имѣть против.

18) В заключеніе прочти еще раз первыя строки этих «Правил».

СКАЗКА

(Посвящается балбесу, хвастающемуся своим сотрудничеством в газетах)

Нѣкая муха летала по всѣм комнатам и громко хвастала тѣм, что сотрудничает в газетах.

— Я писательница! Я публицистка! — жужжала она. — Разступитесь, нечѣжи!

Слыша это, всѣ комары, тараканы, клопы и блохи прониклись уваженіем к ея особѣ, и многіе даже пригласили ее к себѣ обѣдать.

и дали займы денег, а паук, боящийся гласности, забился в угол и рѣшил не попадаться на глаза мухѣ...

— А в каких газетах вы сотрудничаете, Муха Ивановна? — спросил ее комар, который посмѣлѣе.

— Почти во всѣх! Есть даже газеты, которым я своим личным участіем придаю окраску, тон и даже направленіе!.. Без меня многія газеты были бы лишены своего характера!

— Что же вы в газетах пишете, Муха Ивановна?

— Я веду там особый отдѣл...

— Какой?

И публицистка-муха указала на безчисленные точки, которыми был покрыт засиженный мухами газетный лист.

(«Осколки», 1886 г., № 18)

К этим литературным темкам біографу Чехова, может быть, слѣдует особенно внимательно присмотрѣться. Сквозь шутку и глумленіе здѣсь иногда можно с несомнѣнностью уловить отраженіе собственных взглядов на литературу Чехова того времени.

Так, едва ли можно сомнѣваться, что в «Литературной табели о рангах» Чехов возможно точнѣе старался сгруппировать литературные имена по степени их дѣйствительной оцѣнки на его тогдашній взгляд:

«Если всѣх живых русских литераторов, соотвѣтственно их талантам и заслугам, произвести в чины, то:

Дѣйствительные тайные совѣтники (вакансія).

Тайные совѣтники: Лев Толстой, Гончаров.

Дѣйствительные статскіе совѣтники: Салтыков-Щедрин, Григорович.

Статскіе совѣтники: Островскій, Лѣсков, Полонскій.

Коллежскіе совѣтники: Майков, Суворин, Гаршин, Буренин, Сергѣй Максимов, Глѣб Успенскій, Катков, Пыпин, Плещеев.

Надворные совѣтники: Короленко. Скабичевскій. Аверкіев, Боборыкин, Горбунов, Гр. Саліас, Данилевскій, Муравлин, Василевскій, Налсон, Н. Михайловскій.

Коллежскіе ассессоры: Минаев, Мордошнев, Авсебенко, Незлобин, А. Михайлов, Пальмин, Трефолев, Петр Вейнберг, Салов.

Титулярные совѣтники: Альбов, Баранцевич, Михневич, Златовратскій, Шпажинскій, Сергѣй Атава, Чуйко, Мещерскій, Иванов-Классик, Вас. Немирович-Данченко.

Коллежскіе секретари: Фруг, Алухтин, Вс. Соловьев, В. Крылов, Юрьев, Голенищев-Кутузов, Эргель, К. Случевскій.

Губернскіе секретари: Нотович, Максим Бѣлинскій, Неиѣжин, Каразин, Венгеров, Нефедов.

Коллежскіе регистраторы: Минскій, Трофимов, Ф. Берг, Мисинскій, Линев, Засозимскій, Бажин.

Неслѣбующій чина: Окрейш.

(«Осколки», 1886 г., № 19)

В самом дѣлѣ, эта дѣстнища имен нашла бы одобреніе в большей своей части у человека здоровых и реальных предъявленій к литературѣ. Личность Окрейца — обычная мишень тогдашних юмористов. Чехов не оставался при особом мнѣніи на этот счет, — озлобленная инородческая травля, которую Окрейц вел, не могла не остановить его вниманія.

В нѣкоторых набросках, вѣроятно, справедливо искать запечатлѣнія собственных психологических настроеній и выводов Чехова. Едва ли не его настроеніе протеста против лѣни, столь естественной в положеніи человека, подневольно острящаго, отразилось в наброскѣ:

М О Я « О Н А »

Она, как авторитетно утверждают мои родители и начальники, родилась раньше меня. Правы они или нѣтъ, но я знаю только, что я не помню ни одного дня в моей жизни, когда бы я не принадлежал ей и не чувствовал над собой ея власти. Она не покидает меня день и ночь; я тоже не выказываю поползновенія удрать от нея, — связь, стало-быть, крѣпкая, прочная... Но не завидуйте, жена читательница!. Эта трогательная связь не приносит мнѣ ничего, кромѣ несчастій. Во-первых, моя «она», не отступая от меня день и ночь, не дает мнѣ заниматься дѣлом. Она мѣшает мнѣ читать, писать, гулять, наслаждаться природой... Я пишу эти строки, а она толкает меня под локоть и ежесекундно, как древняя Клеопатра не менѣе древняго Антонія, манит меня к ложу. Во-вторых, она разоряет меня, как французская кокетка. За ея прихвастливостъ и пожертвовала ей всѣм: карьерой, славой, комфортом... Но ея милости я хожу раздѣтъ, живу в дешеном номерѣ, питаюсь ерундою, пишу блѣдными чернилами. Все, все пожирает она, ненасытная! Я ненавижу ее, презираю... Давно бы пора развестись с ней, но не развелся я до сих пор не потому, что московскіе адвокаты берут за развод четыре тысячи... Дѣтей у нас пока нѣтъ... Хотите знать ея имя? Извольте... Оно поэтично и напоминает Лилію, Лелю и Нелли...

Ее зовут дѣ и ѣ.

(«Будильникъ», 1885 г., № 22)

Нѣсколько мягче и уже дѣйствительно впадает в юмористическій тон другой, «Женскій тост», произнесенный Чеховым в тот же вечер:

— Господа! Тостъ тоста иностраннаго не трудно перейти к тостамъ странным, но я уберегусь от этой опасности и провозглашу — женскій тост!

Жалью, что, иля сюда на обѣд, я не захватил с собой крупновской пушки, чтобы салютовать в честь женщин. Женщина по Шекспиру ничтожество, а по моему она — все! (Крики: довольно! садитесь!). Без нея зѣр был бы то же, что скрипач без скрипки, что без листодега прищѣпъ и без кларнета клапанъ. (Не остро! садитесь!). Лично же для нас женщины не может замѣнить никакой аяис. Скажите ны мнѣ, поэты, кто вдохновляет вас и вливал в наши холодныя жилы огонь, когда жь в прекрасная душыя ночь, возвратившись из

rendez-vous, сажались за стол и писали стихотворения, которые частью вам возвращались редакцией, частью же, за недостатком материала, печатались, претерпѣвъ значительное сокращеніе? А вы, юмористы-прозаики, неужели не согласитесь с тѣм, что ваши рассказы утратили бы девять десятых своей смѣхотворности, если бы в них отсутствовала женщина? Не самые ли лучшіе тѣ анекдоты, соль которых прячется в длинных шлейфах и турнюрах? Вам, художникам, нѣтъ надобности напоминать, что многіе из вас сидят забсь только потому, что умѣют изображать женщин. Научившись рисовать женщину с ея хаосом лифол, оборок, тюников, фестончиков, переживая карандашом всѣ капризы ея юродствующей моды, вы прошли такую тяжелую школу, послѣ которой изобразить вам какую-нибудь «Вальпургіеву ночь» или «Послѣдній день Помпеи» — раз плюнуть! Господа, кто разрѣшает от бремени наши карманы, кто нас любит, пилит, прощает, обирает? Кто улаживает и отравляет наше существованіе? (Старо! будет!). Кто украшает своим присутствіем нашу сегодняшнюю трапезу? Ах! Немного спустя и выйдя отсюда, мы будем слабы, беззащитны... Расшатавшись сядем мы на извозчиков и, клюя носом, забыв адреса наших квартир, поѣдем странствовать во тьмѣ. И кто же, какая свѣтлая звѣзда встрѣтит нас в конечном пунктѣ нашего странствованія? Все та же женщина! Уррррааа!

Жанр мелких блесков, требующих на прочтеніе минуты и дающих мимолетную улыбку, — один из тѣх, какіе наиболѣе в ходу в юмористических журналах. Чехов должен был усердствовать и по части сочиненія таких мелочей, которыя шли под общим заголовком «Финтифлюшек», «Майонеза», «Мух и комаров», «О том, о семъ», «Нетлетворных мыслей», «Плодов долгого раздумья», «Монх острог и изрѣченій» и т. д. Вот нѣкоторые образцы этого жанра молодого Чехова:

В Ы В Ъ С К А

В Ростовѣ-на-Дону, на Салован улицѣ, над лавкою одного торговца могиальными памятниками висит такая вывѣска:

«Памятных дѣл мастера»

Один русскій аристократъ, великій графъ Рубен-Откандовъ, унаслѣдовалъ древность своего рода и происходилъ изъ рода его принадлежатъ к самым древнимъ. Не довольствуясь историческими данными и жесъ тѣм, что он жилъ о своих предках, он откарналъ тѣхъ-то-то старшихъ, знаменитыхъ портреты, изображавшихъ мужскую и женскую и стал однимъ изъ первыхъ «Адамъ Рубен-Откандовъ» подъ армянскими «Адамъ Рубен-Откандовъ».

Другого графа, возведеннаго в графское достоинство за свои громадные заслуги, спросили, почему на его каретѣ нѣтъ герба.

— А потому, — отвечал он: — что моя карета гораздо старше моего графства...

Управляющий имѣніями одного помѣщика доложил своему барину, что на его землях охотятся сосѣди, и просил разрѣшенія не допускать больше подобнаго своевольтва...

— Остань, братец! — махнул рукой помѣщик. — Мы много пріятнѣе имѣть друзей, нежели зайцев.

Очень разсѣянный, но любившій давать отеческіе совѣты, мировой судья спросил однажды у судившагося у него вора:

— Как это вы рѣшились на воровство?

— С голода, ваше высокородіе! Голод вѣдь и волка из лѣсу гонит!

— Напрасно, он должен работать! — строго замѣтил судья.

Прокурор окружного суда, узнавъ в одном из подсудимых своего товарища по школѣ, спросил его между прочим, не знает ли он, что случилось и с остальными его товарищами?

— Исключая вас и меня, всѣ в арестантских ротах, — отвечал подсудимый.

В кабак могут ходить взрослые и дѣти, а в школу только дѣти. Акцизные дивиденды дает отнюдь не школа.

Полезность просвѣщенія находится еще под сомнѣніем, врет же, им приносимый, очевиден.

Для возбужденія аппетита употребляют отнюдь не грамоту, а рюмку водки.

Кабак вездѣ есть, а школа далеко не вездѣ.

Всей грамоты отрицать нельзя. Отрицаніе это было бы безумством. Ибо полезно, если человек умѣет прочитывать: «штейный дом».

(«Что лучше»)

Или еще: («Не тлетворныя мысли»).

Хотите, чтобы на сѣверном полюсѣ произрастали финики и ананасы? Пошлите туда секретарей духовных консисторій и письмоводителей врачебных управ. Лучше их никто не сумѣет натрѣть съ мѣсто.

Все в природѣ цѣлесообразно. Преображая человека под конец его жизни в песочницу, природа тѣм самым засыпает чернильными клексы, произведенныя им в продолженіе всей его жизни...

И дальніе родственники суть наши ближніе. Люби их.

Не мѣсто красит человека, а человек мѣсто. Посему не театр красит городского, стоящаго у театральнаго подъѣзда, а городской красит театр.

Лучше развратная канарейка, чѣм благочестивый волк.

Если жена твоя часто плачет, то употребляй промокательную бумагу. Не остроумно, но зато практично.

Старшіе тѣ же мертвецы: о них «aut bene, aut nihil».

Мы живем не для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы не знать, что нам ѣсть.

Женщинѣ легче найти много мужей, чѣм одного...

Водка бѣла, но красит нос и чернит репутацію.

Можно сказать: «я друг этого дома», но нельзя сказать: «я друг этого деревянного дома». Из этого слѣдует, что, говоря о предметах, иногда бывает нужно скрывать их качества...

Поостерегись выписывать в пост «Иллюстрированный Мір», иначе рискуешь оскоромиться кукишом с маслом.

Если я побил, положим, живущаго со мной в одном кварталѣ г. Кроколилова в то время, когда он брал с моего домохозяина взятку, то не значит ли это, что я побил его при исполненіи им его служебных обязанностей?

У мужика Петра было 5 гусей, 6 уток и 10 кур. На свои именины он зарѣзал одного гуся и двух кур. Спрашивается, что у него осталось, если извѣстно, что во время обѣда заходила к нему одна личность. и что это за личность? Отвѣт: остались одни только перья.

Принц Гамлет сказал: «Если обращаться с каждым по заслугам, кто же избавится от пощечины?» Неужели это может относиться и к театральным рецензентам?

Превышеніе власти и административный произвол дантиста заключается в вырываніи здороваго зуба рядом с больным. Это сказал один околоточный, читая логику Милля.

Астрономы сильно обрадовались, когда открыли на солнцѣ пятна. Случай безпримѣрнаго злорадства!

Чиновник брал взятку. В самый момент грѣхопаденія вошел его начальник и подозрительно впился глазами в его кулак, в котором лежала благодарственная кредитка. Чиновник ужасно смутился.

— Послушайте! — обратился он к просителю, разжимая кулак. — Вы позабыли что-то у меня в кулакѣ.

О Б Е Р - В Е Р Х И

Верх легковѣрія.

На-днях в Т. застрѣлился землевладѣлец К., мѣстный воротила, человек богатый и семейный. Пуля была пущена в рот и зашла в мозг. В боковом карманѣ несчастнаго было найдено письмо слѣдующаго содержания:

«Сейчас я прочел в календарѣ, что в этом году не будет урожая. Неурожай принесет мнѣ банкротство. Не желая доживать до такого позора, я заранѣе лишаю себя жизни и прошу никого не винить в моей смерти».

Верх разсѣянности.

Нам передают за достовѣрное, что на-днях в одной из лѣчебниц имѣл мѣсто слѣдующій прискорбный случай. Извѣстный хирург М., ампутируя обѣ ноги у желѣзнодорожнаго стрѣлочника, по разсѣянности одну ногу отрѣзал у себя, а другую — у помогавшаго ему фельдшера. Обоим подана медицинская помощь.

Верх гражданственности.

Я сын почетнаго потомственнаго гражданина, читаю «Гражданин», хожу в гражданском платьѣ и пребываю со своею Анютой в гражданском бракѣ...

Верх благонамѣренности.

Нам пишут, что на-днях один из сотрудников «Кіевлянина», нѣкій Т., начитавшись московских газет, в припадкѣ сомнѣнія, сдѣлал у самого себя обыск. Не найдши ничего предосудительнаго, он все-таки сводил себя в квартал.

Еще очень юный, Чехов был уже мастером по части уловленія «злоб», и, напримѣр, приѣзд Сары Бернар в Москву не одну недѣлю кормил его. Он и писал ея біографическіе очерки и оцѣнивал ея игру. Любопытно, что Чехов проявил здѣсь самый несомнѣнный художественный вкус в пониманіи элемента выучки во французской актрисѣ, чѣм никогда и никакому актеру не замѣнить темперамента и вдохновенія. Подчеркнутыя нами строки были положительно новы для тогдашней нашей театральной рецензіи, и по тонкости пониманія эта рецензія в болѣе соответственном тонѣ сдѣлала бы честь не «Зрителю», гдѣ была напечатана (1881, № 23—24), а и болѣе серьезному органу. Повидавшій французскую артистку на сценѣ, А. П. писал:

«Мы далеки от поклонения Сарѣ Бернар, как таланту. В ней нѣтъ того, за что наша почтеннѣйшая публика любит Федотову: в ней нѣтъ огонька, который один в состояніи трогать до горючих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, ея слезы, ея предсмертныя конвульсіи, вся ея игра — есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок. Урок, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и что не эффектно, дамой с грандіозным вкусом, сердцевиной и всѣм, чѣм хотите, она очень вѣрно передает всѣ тѣ фокусы, которые иногда, по волю судьбы, совершаются в душѣ человѣческой. Каждый шаг ея — глубоко обдуманый сто раз подчеркнутый фокус... Из своих героинь она дѣлает таких же необыкновенных женщин, как и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цѣль ея — поразить, удивить, ослѣпить... Вы смотрите на *Adrienne Lecouvreur*, и вы видите в ней не *Adrienne Lecouvreur*, а умнѣйшую, эффектнѣйшую Сару Бернар... Во всей ея игрѣ просвѣчивает не талант, а гигантскій могучій труд... В этом-то трудѣ и вся разгадка загадочной артистки. Нѣтъ того пустячка в ея малых и больших ролях, который не прошел бы раз сто сквозь чистилище этого труда. Труд необыкновенный. Будь мы трудолюбивы так, как она, чего бы мы только ни написали! Мы исписали бы всѣ стѣны и потолки в нашей редакціи самым мелким почерком. Мы завидуем и почтительнѣйше преклоняемся пред ея трудолюбіем. Мы не прочь посоветовать нашим перво- и второстепенным господам артистам поучиться у гостыи работать. Наши артисты, не в обиду будь им сказано, страшные лѣнтяи! Ученіе для них хуже горькой рѣдьки. Что они, т.-е. большинство наших артистов, мало дѣла дѣлают, мы заключаем по одному тому, что они сидят на точкѣ замерзанія: ни вперед, ни... куда! Поработай они так, как работает Сара Бернар, знай столько, сколько она знает, они далеко бы пошли! К нашему великому горю, наши великіе и малые служители муз сильно хромают по части знаній, а знанія даются, если вѣрить старым истинам, одним только трудом.

«Мы смотрѣли на Сару Бернар и приходили от ея трудолюбія в неописанный восторг. Были мѣстечки в ея игрѣ, которая трогали нас почти до слез. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть ея вымывается искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамѣреннаго фокусничества, подчеркиванія, мы, честное слово, заплакали бы, и театр содрогнулся бы от рукоплесканій... О, талант! Кювье сказал, что ты не в ладу с гибкостью! А Сара Бернар страсть как гибка!»

А вот в заключеніе «чистый» юмор Антоши, уже напоминающій его болѣе зрѣлая вещи:

КАНИКУЛЯРНЫЯ РАБОТЫ ИНСТИТУТКИ НАДЕНЬКИ X.

По русскому языку: пять примѣров на «сочетаніе предложеній».

1) Недавно Россія воевала с заграницей, при чем много было убито турков.

2) Желѣзная дорога шипит, везет людей и эделана из желѣза и матеріалов.

3) Говядина дѣлается из быков и коров, баранина из овечек и баранчиков.

4) Папу обошли на службѣ и не дали ему ордена, а он разсердился и вышел в отставку по домашним обстоятельствам.

5) Я обожаю свою подругу Дуню Пешеморепереходященскую за то, что она прилежна и внимательна во время уроков и умѣет представлять гусара Николая Спиридоныча.

СОЧИНЕНІЕ

Как я провела каникулы?

Как только я выдержала экзамены, то сейчас же поѣхала с мамой, мебелью и братом Іоанном, учеником третьяго класса гимназій на дачу. К нам съѣхались: Катя Кузович с мамой и папой, Зина, маленькій Егорушка, Наташа и много других моих подруг, которыя со мной гуляли и вышивали на свѣжем воздухѣ. Было много мужчин, но мы, дѣвицы, держали себя в сторонѣ и не обращали на них никакого вниманія. Я прочла много книг и между прочим Мещерскаго, Майкова, Дюму, Ливанова, Тургенева и Ломоносова. Природа была в великолѣпій. Молодые деревья росли очень тѣсно, ничей топор еще не коснулся до их стройных стволов, не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась от мелких листьев на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсных колокольчиков и малиновыми крестиками гвоздики (похищено из «Затишья» Тургенева). Солнце то выходило, то заходило. На том мѣстѣ, гдѣ была заря, летѣла стая птиц. Гдѣ-то пастух пас свои стада и какія-то облака носились немножко ниже неба. Я ужасно люблю природу. Мой папа все лѣто был озабочен; негодный банк ни с того, ни с сего хотѣл продать наш дом, а мама все ходила за папой, и боялась, чтобы он на себя рук не наложил. А если же я и провела хорошо каникулы, так это потому, что занималась наукой и вела себя хорошо. Конеч.

ЖИЗНЬ В ВОПРОСАХ И ВОСКЛИЦАНІЯХ

Дѣтство. Кого Бог дал, сына или дочь? Крестить скоро? Крупный мальчик! Не урони, мамка! Ах, ах! Упадет!! Зубки прорѣзались? Это у него золотуха? Возьмите у него кошку, а то она его оцарапает! Потяни дялю за ус! Так! Не плачь! Домовой идет! Он уже и ходить умѣет! Унесите его отсюда, — он невѣжлив! Что он вам надѣдал?! Бѣдный сюртук! Ну, ничего, мы высушим! Чернила опрокинул! Спи, пузырь! Он уже говорит! Ах, какая радость! А ну-ка, скажи что-нибудь! Чуть извозчики не задавили!!! Прогнать няньку! Не стой на сквозном вѣтрѣ! Постыдитесь, можно ли бить такого маленькаго? Не плачь! Дайте ему пряника!

Отрочество. Иди-ка сюда, я тебя выську! Гдѣ это ты себѣ нос разбил? Не безпокой мамашу! Ты не маленькій! Не подходи к столу, тебѣ послѣ! Читай! Не знаешь? Пошел в угол! Единица! Не

клады в карман гвоздей! Почему ты мамаша не слушаешься? Ышь как слѣдует! Не ковыряй в носу! Это ты ударил Митю? Пострѣл! Читай мнѣ «Демьянову уху»! Как будет именительный падеж множественнаго числа? Сложи и вычти! Вон из класса! Без объѣда! Спать пора! девять часов! Он только при гостях шалит! Врешь! Причешись! Вон из-за стола! А ну-ка, покажи свои отмытки?! Уже порвал сапоги? Стыдно ревѣть такому большому! Гдѣ это ты мундир запачкал? На вас не напасешься! Опять единица? Когда наконец я перестану тебя пороть? Если ты будешь курить, то я тебя из дома выгоню! Как будет превосходная степень от *facilis*? *Facilissimus*? Врете! Кто это вино выпил? Дѣти, обезьяну на двор привели! За что вы моего сына на второй год оставили?

Юношество. Тебѣ еще рано водку пить! Скажите о послѣдовательности времен! Рано, рано, молодой человек! В ваши дѣта я еще ничего такого не знал! Ты еще боишься при отцѣ курить? Ах, какой срам! Тебѣ кланялась Ниночка! Возьмите Юлія Цезаря! Здѣсь *tit consecutivus*. Ах, душка! Оставьте, барин, а то я... папенькѣ скажу! Ну, ну... шельма! Браво, у меня уже усы растут! Гдѣ? Это ты нарисовал, а не растут! У *Nadine* прелестный подбородок! Вы в каком теперь классѣ? Согласитесь же, папа, что мнѣ нельзя не имѣть карманных денег! Наташа? Знаю! Я был у нея! Так это ты? Ах ты, скромник! Дайте покурить! О, если б ты знал, как я ее люблю! Она божество! Кончу курс в гимназіи и женюсь на ней! Не ваше дѣло, *таман*. Посвящаю вам свои стихи! Оставь покурить! Я пьянѣю уже послѣ трех рюмок! *Bis! bis!* Брааво! Неужели ты не читал Борна? Не косинус, а синус! Гдѣ тангенс? У Соньки плохія ноги! Можно поцѣловать? Выпьем? Ураа, кончил курс! Запишите за мной! Займите четвертную! Я женюсь, отец! Но я дал слово! Ты гдѣ ночевал?

Между 20 и 30 годами. Займите мнѣ сто рублей! Какой факультет? Мнѣ все одно! Почем лекція? Дешево однако! В «Стрѣльну» и обратно! Бис, бис! Сколько я вам должен? Завтра придите! Что сегодня в театрѣ? О, если бы вы знали, как я вас люблю! Да или нѣтъ? Да? О, моя прелесть! В шею! Челоек! Вы херес пьете? Марья, дай-ка огуречнаго рассольцу! Редактор дома? У меня нѣтъ таланта? Странно! Чѣм же я жить буду? Займите пять рублей! В *Salon*! Господа, свѣтает! Я ее бросил! Займите фрак! Желтаго в угол! Я и так уже пьян! Умираю, доктор! Займи на лѣкарство! Чуть не умер! Я похудѣл? К Яру, что ли? Стоит того! Дайте же работы! Пожалуйста! Эээ... да вы лѣнтяй! Можно ли так опаздывать? Суть не в деньгах! Нѣтъ-с, в деньгах! Стрѣляюсь!! Шабаш! Чорт с ним, со всѣм! Прощай, поскудная жизнь! Впрочем... нѣтъ! Это ты, Лиза? Пѣснь моя уже спѣта, *таман*. Я уже отжил свое! Дайте мнѣ мѣсто, дядя! *Ma tante*, карета подана! *Merci, mon oncle*. Не правда ли, я измѣнился. *Mon oncle*, — пересобачился? Ха-ха! Напишите эту бумагу! Жениться? Никогда! Она — увы! — замужем! Ваше превосходительство! Представь меня своей бабушкѣ, Серж! Вы очаровательны, княжна! Полноте! Вы напрашиваетесь на комплименты! Позвольте мнѣ кресло во второй ряд!

Между 30 — 50 годами. Сорбалось! Есть вакансія? Де-

вять без козырей! Семь червей! Вам сдавать, дядюшка! Вы ужасны, доктор! У меня ожирѣніе печени? Чушь! Как много берут эти доктора! А сколько за ней приданого? Теперь не любите, со временем полюбите! С законным браком! Не могу я, душа моя, не играть! Катарр желудка? Сына или дочь? Весь в отца! Хе-хе-хе... не знал-с! Выиграл, душа моя! Опять, чорт возьми, проиграл! Сына или дочь? Весь в... отца! Увѣряю тебя, что я ее не знаю! Перестань ревновать! Ыдем, Фани! Браслет? Шампанскаго! С чином Merci! Что нужно дѣлать, чтобы похудѣть? Я лыс?! Не зудите, теща! Сына или дочь? Я пьян, Каролинхен! Дай я тебя поцѣлую, нѣмочка! Опять этот каналья у жены! Сколько у вас дѣтей? Помогите бѣдному человѣку! Какая у вас дочь миленькая! В газетах, дьяволы, пропечатали!!! Иди, я тебя выскку, скверный мальчишка! Это ты измял мой парик?

Старость. Ыдем на воды? Выходи за него, дочь моя! Глуп? Полно! Плохо пляшет, но ноги прелестны! Сто рублей за... поцѣлуй?! Ах, ты, чертенок! Хе-хе-хе! Рябчика хочешь, дѣвочка? Ты, сын, того... безнравствен! Вы забываетесь, молодой человѣк! Пет! пет! пет! Люблю музыку! Шям... Шям... панскаго! «Шута» читаешь? Хе-хе-хе! Внуцатам конфеток несу! Сын мой хорош, но я был лучше! Гдѣ ты, то время? Я и тебя, Эмочка, и заѣщани не забыл! Ишь я какой! Папашка, дай часы! Водянка? Неужели? Царство небесное! Родня плачет? А к ней идет траур! От него пахнет! Мир праху твоему, честный труженик!

Перечитываешь теперь эти необыкновенно легкія, как бы кружевные, строки, эти крупнцы юмора, молодого Чехова, и удивляешься: кажется написаны онѣ без малѣйшаго напряженія, просто и свободно.

Однако, знаем мы, что Антошѣ Чехонте приходилось иногда проводить безсонныя ночи в поисках сюжета, в погонѣ за вдохновеньем и... за гонораром. Были трудными его первые годы жизни в Москвѣ, но житейскія тяготы почти не отразились на его характерѣ. «Хмуриться» он стал позже.

В біографическом очеркѣ, предпосланном послѣднему собранію сочиненій А. П. Чехова, вышедшему недавно в СССР, есть такія строки: «Чехову страстно хотѣлось дожить, самому участвовать в созидательном трудѣ родины, исполинскій размах котораго он предчувствовал».

Впрочем, в этом очеркѣ нѣкоего В. Ермилова есть и еще большія глупости, приводить которыя, право, не стоит. Для нас же совершенно очевидно — доживи Чехов до большевизма, он жестоко осудил бы коммунистическую систему и зло ее высмѣял-бы. Высмѣял бы так, как и его преемник Михаил Зощенко, котораго, как извѣстно, заставили замолчать, «лишили права слова».

Лишили бы слова и Чехова.

Но слава Богу, он «новой», большевинской Россіи, не увидал.